

ПРАВО

УДК 343.811

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОНТИНГЕНТА ЛИЦ, СОДЕРЖАВШИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ПЕРИОД 30–60-х гг. XX ВЕКА

В. С. Михайлов

преподаватель кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе, Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России
E-mail: b671oo@gmail.com (b671oo@mail.ru)

Введение. Главное управление лагерей (ГУЛАГ) как система мест лишения свободы, существовавшая в Советском государстве, было явлением многоаспектным. Особенно ярко это выражалось в системе нормативного регулирования порядка и условий отбывания наказания в ней различных категорий осужденных. Закономерности изменения нормативной базы тюремной системы, а также их связь с характеристикой осужденных были тесно связаны с меняющейся политикой всего государства тех лет в отношении классово чуждых элементов. **Теоретический анализ.** Изучаются количественный и качественный состав осужденных, отбывавших наказание в местах лишения свободы в период функционирования ГУЛАГа (30–60-е гг. XX в.). Рассматриваются факторы, повлиявшие на порядок и условия содержания спецконтингента в тюрьмах Советского государства, опираясь на взгляды современников, а также результаты изучения архивных документов. **Выводы.** Нельзя рассматривать заключенных как равных субъектов исправительно-трудовой политики Советского государства, ибо неравенство закладывалось самими законами. До настоящего времени множество нормативных документов, обладающих исторической ценностью, хранится в закрытых архивах государства. Их рассекречивание могло бы позволить более объективно проанализировать обозначенную тему.

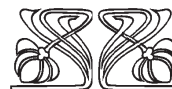
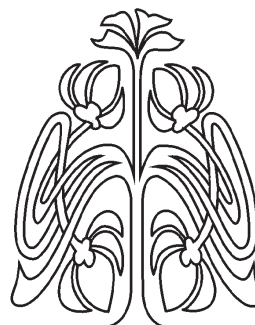
Ключевые слова: места лишения свободы, содержание осужденных, классовый подход.

Введение

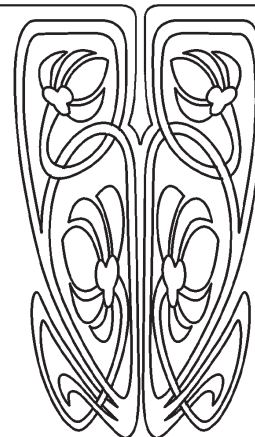
Не вызывает сомнений исторический факт, что в период функционирования ГУЛАГа (30–60-е гг. XX в.) реальному отбыванию наказаний в местах лишения свободы подвергалось достаточно большое количество осужденных по политическим мотивам. Вместе с тем в отношении отдельных категорий граждан, совершивших общеуголовные преступления, представляющие особую общественную опасность, государство также прибегало к применению мер, связанных с лишением их свободы. При этом данные категории осужденных содержались в учреждениях закрытого типа совместно. Соответственно, ко всем без исключения лицам в равной степени применялись административные меры воздействия, закрепленные в Положении об исправительно-трудовых лагерях, принятом СНК СССР 7 апреля 1930 г. [1]. В связи с этим представляется чрезвычайно важным анализ количественных и качественных характеристик контингента лиц, содержащихся в местах лишения свободы в рассматриваемый период, в условиях применения в отношении них различных правовых актов, в основном содержащих нормы обвинительного уклона.

Теоретический анализ

Следует отметить, что данные о количестве заключенных, находящихся в лагерях страны в этот период, у разных исследователей резко расходятся. Можно предположить, что разницей в статистике связан

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

с отсутствием общего методологического подхода к данной проблеме, а также свободного доступа к документально подтверждающим данным. К примеру, английский исследователь Р. Конквест, пишет: «Численность лиц, находившихся в местах заключения только в РСФСР и на Украине, доходила в 1931–1932 гг. до 2-х миллионов человек» [2, с. 147]. Другие же западные исследователи (Н. Тимашев, Н. Ясный, А. Бергсон, С. Виткорф) определяли количество заключенных в Советском Союзе в 30-х гг. цифрой 3,5 млн человек. Н. Авторханов, С. Розфилд считают, что заключенных было 9–10 млн [3, с. 261]. А. И. Солженицын утверждает, что в 1929–1930 гг. количество осужденных превышало 15 млн [4, с. 27]. Интересными представляются статистические данные, взятые из архивов НКВД российским исследователем профессором В. Ф. Некрасовым, который убежден, что к началу 30-х гг. общее число лиц, содержащихся в местах лишения свободы, составляло примерно 300 тыс. человек, в 1934 г. (к моменту создания НКВД СССР), в связи с массовыми репрессиями, это число возросло до полумиллиона, а в 1935 г. приблизилось к миллиону человек [5, с. 141].

Представляется, что завышение данных об осужденных в 30-е гг. связано с включением в их число депортированных кулаков. Кроме того, надо помнить, что в самом начале 1930-х гг. существовали две системы мест лишения свободы – НКЮ и ОГПУ, каждое из которых имело собственный статистический аппарат, и информация передавалась в соответствующие ведомства.

Немаловажным аспектом формирования контингента лиц, содержащихся в местах лишения свободы, является прослеживающийся плановый подход к осуществлению репрессивных мер. Примером тому может послужить Оперативный приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» [6]. В тексте данного нормативного акта указывается, что репрессии подлежали следующие категории лиц:

1) бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность;

2) бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность;

3) бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою антисоветскую преступную деятельность;

4) члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, муссаватисты, иттихадисты и дашнаки),

бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность;

5) избалованные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований. Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены;

6) наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу;

7) уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой. Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые содержатся под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены;

8) уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность;

9) репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне – в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях, и в городе – на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве.

Все репрессируемые кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, расстрелу;

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них – заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

Согласно представленным учетным данным наркоматами республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД утверждается следующее количество подлежащих репрессии (назовем лишь наиболее яркие примеры):

Азербайджанская ССР: первая категория – 1500, вторая категория – 3750 человек,
Белорусская ССР: первая категория – 2000, вторая категория – 10 000,
Грузинская ССР: первая категория – 2000, вторая категория – 3000,
Узбекская ССР: первая категория – 750, вторая категория – 4000,
Дагестанская АССР: первая категория – 500, вторая категория – 2500,
Татарская АССР: первая категория – 500, вторая категория – 1500,
Азово-Черноморский край: первая категория – 5000, вторая категория – 8000,
Дальневосточный край: первая категория – 2000, вторая категория – 4000,
Западно-Сибирский край: первая категория – 5000, вторая категория – 12 000,
Красноярский край: первая категория – 750, вторая категория – 2500,
Орджоникидзевский край: первая категория – 1000, вторая категория – 4000,
Восточно-Сибирский край: первая категория – 1000, вторая категория – 4000,
Воронежская область: первая категория – 1000, вторая категория – 3500,
Горьковская область: первая категория – 1000, вторая категория – 3500,
Западная область: первая категория – 1000, вторая категория – 5000,
Ивановская область: первая категория – 750, вторая категория – 2000,
Калининская область: первая категория – 1000, вторая категория – 3000,
Курская область: первая категория – 1000, вторая категория – 3000,
Куйбышевская область: первая категория – 1000, вторая категория – 4000,
Ленинградская область: первая категория – 4000, вторая категория – 10 000,
Московская область: первая категория – 5000, вторая категория – 30 000,
Омская область: первая категория – 1000, вторая категория – 2500,
Оренбургская область: первая категория – 1500, вторая категория – 3000,
Саратовская область: первая категория – 1000, вторая категория – 2000,
Сталинградская область: первая категория – 1000, вторая категория – 3000,
Свердловская область: первая категория – 4000, вторая категория – 6000,
Челябинская область: первая категория – 1500, вторая категория – 4500 человек.
Утвержденные цифры являлись ориентировочными. Однако наркомы республиканских и начальники краевых и областных управлений НКВД не имели права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самочинные увеличения

цифр не допускались. В случаях, когда обстановка требовала увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений были обязаны представлять соответствующие мотивированные ходатайства. Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, во вторую категорию и наоборот – разрешалось.

По факту можно наблюдать следующее: количество репресслируемых согласно «плану» в большинстве случаев измерялось тысячами по безымянным спискам; кроме того, рекомендательный характер подобных оперативных приказов являлся не исключением, а скорее правилом, позволявшим представителям органов исполнительной власти принимать решения, в том числе по ограничению прав и свобод человека и гражданина, по своему внутреннему убеждению и усмотрению.

В связи с тем, что к середине 1930-х гг. большинство нетрудовых, «социально чуждых элементов» либо эмигрировали за границу, либо были физически истреблены, либо находились в особых лагерях ОГПУ, перед пенитенциарными учреждениями страны были поставлены новые задачи.

Обстановка в местах лишения свободы в период формирования и развития ГУЛАГа нередко усугублялась попустительством, доходившим до нарушения закона, со стороны администрации. Это объяснялось классовым подходом к заключенным, при котором «политические» не допускались к каким-либо должностям, приближенным к администрации (бригадиры, счетоводы и т. д.), в результате данные места занимали уголовники. Кроме того, в связи с репрессиями 1930-х гг. количество заключенных превышало все предыдущие показатели. Для управления такой массой людей лагерная администрация часто опиралась на представителей уголовного мира, которые существовали за счет заключенных-«работяг» и могли заставить их работать. Данная ситуация самым негативным образом влияла на обстановку в местах лишения свободы.

Наиболее ярким примером может служить ситуация, сложившаяся в Соловецком лагере особого назначения (СЛОУ), ставшая официально известной не только в СССР, но и за его пределами. В 1926 г. в Центральный комитет партии пришло письмо от трех заключенных, которые просили «обратить внимание на произвол и насилие, царящие в Соловецком лагере»: «Такого ужаса, произвола, насилия и беззакония даже трудно представить человеческому воображению. <...> Избиение и издевательство дошло до таких кошмарных пределов, что выразить невозможно. Люди мрут как мухи <...> В буквальном смысле слова, от произвола и беззакония, благодаря надзору, который сплошь состоит из отбывающих

наказание агентов и сотрудников ГПУ и др., погибают с голода и холода при непосильной 14–16-часовой работе рабочие и пролетарии...» [7, с. 151]. В результате членами специальной комиссии, работавшей на Соловках в 1930–1932 гг. и вскрывшей массовые нарушения, были возбуждены и расследованы уголовные дела в отношении администрации, надзорного состава и ряда арестантов. В частности, отмечалось: «Как установлено следствием, издевательства над заключенными в зиму 1929 года приняли массовый характер и распространялись преимущественно на рабочую часть заключенных, находящихся на общих работах. <...> Указанными материалами выявлены случаи массовых и единичных убийств, издевательства над заключенными как в части применения физической расправы, так и в части неоказания медпомощи со стороны медицинского персонала» [7, с. 153–154]. К виновным была применена «высшая мера социальной защиты» – расстрел. Следует отметить, что выводы комиссии отражали классовый подход и свелись к тому, что «на острове активизировалось влияние контрреволюционных элементов, сгруппировавшихся в отдельных хозяйственных и административных единицах Лагерея на острове, чему способствовало попустительство со стороны вольнонаемного надзорного состава и содействие со стороны комсостава из заключенных...» [7, с. 152]. Вполне очевидно, что данная ситуация, свойственная не только Соловецкому лагерю, стала логичным следствием репрессивно-карательной политики общегосударственного масштаба конца 1920-х – 1930-х гг.

В 1930-е гг. отмечается высокая активность, связанная с побегам из мест лишения свободы. Данная тенденция обусловлена следующими факторами: во-первых, отсутствием четкой и последовательной организации профилактики пенитенциарной преступности в лагерях; во-вторых, огромной численностью контингента заключенных, что было обусловлено известными политическими событиями; в-третьих, недостаточной четкой организацией охраны заключенных лагерей; наконец, плохими бытовыми условиями содержания заключенных. Последнее подтверждается фактами, изложенными в записке секретаря Устьвымского РК ВКП(б) И. Ф. Лапина в обком ВКП(б) Коми от 7 июля 1937 г.: «Охраны не хватает. В охрану люди подобраны некудышные. Питания не хватает. В момент моего нахождения мяса не было совсем, рыба да гречневая каша и все. Нет масла, овощей. Люди на работу не выходят по 1000–1500 человек. Бегут по 100–200 человек в день. В бегах числится 500 человек» [8].

Следует отметить, что при всех негативных явлениях, имевших место в рассматриваемый период, существовали позитивные методы воздействия в отношении лиц, лишенных свободы, целью которых было стимулирование к право-

слушному поведению. Данные методы носили идеологический характер. В частности, на официальном уровне получила распространение политико-воспитательная работа в местах лишения свободы. Ее основной задачей стало «формирование личности, исправление и перевоспитание правонарушителей» [9, с. 56]. В соответствии с Положением об исправительно-трудовых лагерях НКВД 1930 г. формами данной работы определялись «клубная, театральная, научно-просветительная и иная просветительная работа, организуемая и проводимая на основе самостоятельности заключенных» [9, с. 56].

В это же время в связи с востребованностью трудового использования лиц, лишенных свободы, для решения экономических задач государства в лагерях широко разворачивается стахановское движение. Победители и ударники социалистического соревнования поощрялись вплоть до премиального вознаграждения; устанавливалась система зачетов, в соответствии с которой лица, перевыполняющие норму, могли освобождаться досрочно. В середине 1930-х гг. зачетная система перестала распространяться на политических заключенных и постепенно была отменена.

Военный период характерен постепенным снижением численности заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД. Снижение числа заключенных в основном объясняется применением досрочного освобождения в соответствии с указами Президиума Верховного Совета Союза ССР, постановлениями Государственного Комитета Обороны и Пленума Верховного Суда Союза ССР.

Согласно архивным данным, к началу войны общее число заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях, составляло 2 300 000 человек. На 1 июля 1944 г. количество их снизилось до 1 200 000 человек. За три года войны из лагерей и колоний убыло 2 900 000 человек и вновь поступило осужденных 1 800 000 человек. Одновременно произошли изменения в составе заключенных по характеру совершенных преступлений. Если в 1941 г. осужденные за контрреволюционные и другие особо опасные преступления составляли только 27% от общего числа заключенных, содержащихся в лагерях и колониях, то к июлю 1944 г. число осужденных этой категории возросло до 43%. В составе заключенных снизилось число осужденных мужчин с одновременным увеличением женщин. В 1941 г. заключенных мужчин содержалось 93%, в 1944 г. мужчин – 74%, женщин – 26%.

В первый период войны возникла необходимость эвакуации заключенных с территории, находившейся в непосредственной близости к зоне военных действий, где дислоцировалась значительная группа исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД (Беломорско-Балтийский,

Мончегорский, Вытегорский, Сегежский, лагеря аэродромных строителей и др.). Эвакуация лагерей и колоний в основном была проведена организованно. ГУЛАГом разрабатывались планы эвакуации заключенных в увязке с перебазированием промышленности, предусматривая вывоз людей, материальных ценностей и демонтируемого оборудования.

Эвакуации подверглись 27 исправительно-трудовых лагерей и 210 колоний, с общим числом заключенных 750 000 человек.

По представлению НКВД СССР Президиумом Верховного Совета Союза ССР 12 июля и 24 ноября 1941 г. были изданы указы о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных, осужденных за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления, с передачей лиц призывных возрастов в Красную армию. Во исполнение Указов Президиума ВС СССР ГУЛАГом было проведено освобождение 420 000 заключенных.

По специальным решениям Государственного Комитета Обороны в течение 1942–1943 гг. досрочно освобождены с передачей в ряды Красной армии 157 000 человек из числа осужденных за незначительные преступления. Кроме того, по установленному ГУЛАГом порядку, все заключенные, освобождаемые из лагерей и колоний за отбыванием сроков наказания, годные к строевой службе, также передавались в армию. Всего за три года Великой Отечественной войны было передано на укомплектование Красной армии 975 000 человек.

Придавая особое значение вопросу освобождения заключенных и передаче их в Красную армию, в лагерях и колониях проводилась большая работа по персональному отбору, материальному обеспечению и политической подготовке передаваемых. Из освобождаемых создавались специальные команды, которые организованно направлялись в военкоматы и места формирования воинских частей. Многие бывшие заключенные, находясь на фронтах, проявили доблесть и героизм, за что награждены орденами и медалями Советского Союза. Бывшим заключенным Матросову, Бреусову, Отставнову, Сержантову, Ефимову присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1941–1942 гг. из исправительно-трудовых лагерей согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР и постановлению Государственного Комитета Обороны освобождены 43 000 польских граждан и до 10 000 чехословацких граждан, направленных в своем большинстве на формирование национальных частей [10].

Кроме того, следует отметить, что в период Великой Отечественной войны обстановка в местах лишения свободы усугубилась в связи с высокой миграцией осужденных с захваченных территорий в центральные и северные регионы

СССР. Быстрое продвижение немецко-фашистских войск в первые месяцы войны привело к тому, что эвакуацию заключенных пришлось проводить в крайне сжатые сроки при фактическом отсутствии транспортных средств. Так, из тюрем Украины подлежали эвакуации 34 200 заключенных, для перевозки которых требовалось 1 308 вагонов из расчета 50–60 заключенных на один вагон. По факту было выделено только 300 вагонов, в которых можно было разместить 14 000 человек. Поэтому чаще всего эвакуация проводилась пешком порядком, преимущественно под конвоем надзорсостава тюрем и нередко на расстоянии до 1000 км [11, с. 20]. Во время препровождения заключенных многие из них гибли от голода и несчастных случаев, замерзали в дороге. Все это способствовало попыткам бунта и побегов. Следует отметить, что администрация эвакуированных учреждений имела возможность использовать побеговые попытки осужденных, в особенности политических, для их ликвидации. Так, в спецсообщении начальника управления НКВД УССР в адрес начальника Тюремного управления НКВД СССР говорится: «Из тюрьмы в г. Черткове заключенные в количестве 954 человек 2 июля с.г. были выведены пешком в направлении г. Умани. В пути следования группа заключенных ОУНовцев пыталась учинить бунт и бежать, в связи с чем 123 заключенных – членов ОУН были расстреляны. 20 июля по прибытии в г. Умань в связи с создавшейся обстановкой на фронте (прорвавшиеся немцы находились в 20–30 км от г. Умани) по распоряжению военного прокурора и руководства НКГБ УССР заключенные и осужденные за контрреволюционную деятельность в числе 767 человек были расстреляны, трупы их зарыты. Остальные 64 человека, осужденные за бытовые преступления, освобождены» [11, с. 21].

Спецконтингент поступал в неудовлетворительном санитарном состоянии, имелись потери из-за высокой смертности и побегов: «4 декабря г. Владимира поступило 994 заключенных, из них 902 следственных. Санитарная обработка в дороге не производилась. Весь состав заключенных оказался завшивленным лобковыми и бельевыми вшами. Нижнее белье почти у всех заключенных представляло из себя черное, грязное тряпье. Заболевших остро-кишечными расстройствами – 338 человек, дизентерией – 87 человек, истощение с отеками сердца и почек наблюдается у 65% заключенных; 22 человека прибыли с обморожением ступней ног, из них 9 человек с тяжелой формой 3-й степени обморожения. В пути следования умерло 24 человека, бежало 5» [11, с. 22]. Все это негативно отразилось на статистике преступности в местах лишения свободы.

В целях повышения эффективности борьбы с побегами в феврале 1942 г. была введена

Инструкция о режиме содержания и охраны заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР, регулировавшая порядок содержания осужденных в годы войны. В ней, в частности, предусматривалось, что оружие оперативно-служебным нарядом охраны (конвоем, караулом, маневренной группой, подразделением охраны) применяется:

– при побеге и преследовании заключенных – без предупреждения;

– при побеге подозрительных лиц, задержанных часовым (конвоиром) в районе поста, – только после предупредительного окрика «стой, буду стрелять»;

– при отражении нападения на конвой, караул, охраняемый объект – без предупреждения;

– при открытом злостном сопротивлении заключенных охране, администрации лагеря, если это сопротивление грозит серьезными последствиями и не может быть ликвидировано иными мерами, – после двукратного предупреждения;

– при открытом демонстративном отказе заключенных от работы – после двукратного словесного предупреждения и предупредительного выстрела вверх;

– по приказу начальника конвоя, караула, маневренной группы и лиц начальствующего состава охраны.

Приняв заключенных, начальник конвоя (караула) обязан был предупредить осужденных, что в случае сопротивления законным требованиям конвоя (караула) и при попытке к побегу может быть применено оружие [12].

С середины 1950-х гг. происходит смена политического курса страны, что непосредственным образом отразилось на исправительно-трудовой системе. Отсутствие последовательной политики в сфере борьбы с пенитенциарной преступностью в 1930–1940-е гг., политизация правоохранительных органов стали одними из главных причин ухудшения криминальной обстановки в местах лишения свободы в конце 1940–1950-х гг.

Важно отметить, что она усложнилась еще и в связи с расколом крепко укоренившегося к тому времени в местах лишения свободы преступного мира, состоявшего из многоступенчатой негласной иерархии и криминальной субкультуры, который привел к разветвлению в местах лишения свободы так называемых «сучьих войн», сопровождавшихся массовыми избиениями и убийствами в среде заключенных. Основной сутью конфликта стал отход части так называемых «блатарей» от «воровского закона», который, в частности, запрещал контактировать с администрацией мест лишения свободы, принимать участие в работах, служить в армии. Великая Отечественная война внесла определенные коррективы в «воровской закон» и изменила соотношение в преступной среде. «Отошедших» от «воровского закона» стали

называть «суками», которые вскоре сами приняли это название [7, с. 77]. В отличие от «законников» «суки» не отказывались работать и вступать в контакт с администрацией, поэтому на первом этапе администрация некоторых ИТУ неформально поддерживала данную категорию заключенных, чаще же просто не предпринимала никаких мер по ликвидации конфликта между «ворами» и «суками». Ряд исследователей отмечают, что «вражда между группировками использовалась работниками ИТУ как благоприятное условие для проведения профилактических и оперативных мероприятий по разложению воровского сообщества» [13, с. 117]. «Сучья война» резко ухудшила криминальную обстановку в местах лишения свободы. По свидетельству В. Шаламова, «уже в 1949 году в результате резни “воров” и “сук” цифра “архива № 3” (умершие) резко подскочила вверх, чуть не достигая рекордных высот 1938 года, когда “троцкистов” расстреливали целыми бригадами» [7, с. 112]. Последовательная работа по ликвидации беспорядков в ИТУ стала проводиться с середины 1950-х гг., что было связано с реорганизацией исправительно-трудовой системы в целом. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. была объявлена амнистия, которая повлекла за собой массовое освобождение осужденных. В результате значительный отток заключенных привел к некоторой стабилизации обстановки в местах лишения свободы.

Выводы

Из сказанного следует, что нельзя рассматривать заключенных как равных субъектов исправительно-трудовой политики Советского государства, ибо неравенство закладывалось самим законом. Долгое время от глаз общественности завесой секретных ведомственных инструкций ОГПУ было скрыто истинное положение и правовой статус заключенных из числа так называемых чуждых элементов. До настоящего времени множество нормативных документов, фактически обладающих весомой исторической ценностью, по-прежнему хранится в архивах территориальных органов исполнения наказаний, а также в центральном аппарате ФСИН России под грифом «секретно» и «совершенно секретно». Рассекречивание и придание огласке подобных материалов могло бы позволить более объективно проанализировать названную тему без ущерба государственной безопасности страны.

Список литературы

1. Собр. законодательства СССР. 1930. № 22. 248 с.
2. *Конквест Р.* Жатва скорби // Вопр. истории. 1990. № 1. 618 с.
3. *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1992. 480 с.

4. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ : в 3 т. М., 1989. Т. 1. 592 с.
5. Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995. 416 с.
6. Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» // Книга памяти жертв политических репрессий : факсимильное изд. Ульяновск, 1996. С. 766–780.
7. Сидоров А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России : в 2 кн. Кн. первая (1917–1940 гг.). Ростов н/Д, 1999. 766 с.
8. Архив МВД Республики Коми. Ф. 6. Оп. 33. Д. 33. Л. 136.
9. Детков М. Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые – пятидесятые годы. М., 1992. 156 с.
10. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 66. Лл. 1–61.
11. Базунов В. В., Детков М. Г. Тюремь НКВД–МВД в карательной системе Советского государства. М., 2000. 112 с.
12. С объявлением «Инструкции о режиме содержания и охраны заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР в военное время»: Приказ НКВД СССР № 43 – 1942 г. // Архив ГУВД СПб. и ЛО. 1942. Д. 207. Л. 65.
13. Гуров А. И. Профессиональная преступность : прошлое и современность. М., 1990. 146 с.

On Characteristics Contingent of People Held in Places of Deprivation of Liberty in the 30–60th of the XXth Century

V. S. Mikhailov

Lecturer of the Department of Regime and Protection in Penal Enforcement System, Samara Juridical Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, 24-B Rylsky str., Samara, 443022 Russia
E-mail: b671oo@gmail.com (b671oo@mail.ru)

Introduction. Main Directorate of Camps (GULAG), as a system of detention facilities existed in the Soviet Union, was a multi-faceted phenomenon. This was expressed most clearly in the regulatory procedure and conditions of her sentence in the various categories of prisoners. Patterns of change in the regulatory framework prison system, as well as their relation to the characteristic of the convicts, was closely connected with the changing policies of the state of those years in respect of class-alien elements. **Theoretical analysis.** Examine the quantitative and qualitative composition of convicts serving time in prison during the operation of the GULAG (30–60th of the XX-th century). The factors that affected the terms and conditions of detention in the prisons of the special contingent of the Soviet state, based on the views of his contemporaries, as well as the results of a study of archival documents. **Conclusions.** Can not be treated as prisoners of equal subjects of a labor policy of the Soviet state, because inequality pawned the laws themselves. Up to now, a lot of regulations that have historical value in closed archives of the state. Their declassification would allow a more objective analysis of the named subject.

Key words: prisons, keeping condemned, class approach.

References

1. Sobranie zakonodatel'stva SSSR [Collection of Laws of the USSR]. 1930, no. 22. 248 p.
2. Konkvest R. Zhatva skorbi [The Harvest of Sorrow]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1990, no. 1. 618 p.
3. Vert N. *Istorija sovetskogo gosudarstva* [History of the Soviet state] 1900–1991. Moscow, 1992. 480 p.
4. Solzhenicyn A. I. Arhipelag GULAG : in 3 vol. Moscow, 1989, vol. 1. 480 p.
5. Nekrasov V. F. *Trinadcat' «zheleznyh» narkomov* [Thirteen iron commissars]. Moscow, 1995. 416 p.
6. Operativnyj prikaz NKVD SSSR № 00447 ot 30 ijulja 1937 g. «Ob operacii po repressirovaniju byvshih kulakov, ugolovnikov i dr. antisovetskih jelementov». *Kniga pamjati zhertv politicheskikh repressij: faksimil'noe izd.* [Operation order NKVD number 00447 on 30 July 1937 «On the operations of repression of former kulaks, criminals and other anti-Soviet elements», publ. in facsimile form: The Book of Remembrance of the Victims of Political Repression]. Ul'janovsk, 1996, pp. 766–780.
7. Sidorov A. A. *Velikie bitvy ugolovnogo mira. Istorija professional'noj prestupnosti Sovetskaj Rossii* : v 2 kn. [The Great Battle of the criminal world. The history of professional crime Soviet Russia : in 2 book]. Kn. pervaja [Book one] (1917–1940 gg.). Rostov-na-Donu, 1999. 766 p.
8. Arhiv MVD Respubliki Komi. F. 6, op. 33, d. 33, l. 136.
9. Detkov M. G. *Soderzhanie karatel'noj politiki sovetskogo gosudarstva i ee realizacija pri ispolnenii ugolovnogo nakazaniya v vide lishenija svobody v tridcatye – pjatidesjatye gody* [The content of the penal policy of the Soviet state and its implementation in the execution of criminal penalties of imprisonment in the thirties – the fifties]. Moscow, 1992. 156 p.
10. GARF. F. 9414, op. 1, d. 66, l. 1–61.
11. Bazunov V. V., Detkov M. G. *Tjur'my NKVD–MVD v karatel'noj sisteme Sovetskogo gosudarstva* [Prison of the NKVD-MVD in the penal system of the Soviet state]. Moscow, 2000. 112 p.
12. S objavljeniem «Instrukcii o rezhime sodержanija i ohrany zakljuchennyh v ispravitel'no-trudovyh lagerjah i kolonijah NKVD SSSR v voennoe vremja»: Prikaz NKVD SSSR № 43–1942 g. [With the announcement of the «Instructions on the operation and maintenance of prisoners in forced labor camps and prisons of the NKVD of the USSR during the war»: the NKVD Order number 43–1942]. Arhiv GUVd SPb. I LO. 1942, d. 207, l. 65.
13. Gurov A. I. *Professional'naja prestupnost': proshloe i sovremennost'* [Professional crime: Past and Present]. Moscow, 1990. 146 p.